

Они еще раз продемонстрировали свою возросшую активность, уверенность в необходимости защиты своих прав и интересов, стремление к сохранению культурной самобытности.

Т. В. Лукьянченко, Н. И. Новикова

Примечание

¹ Соколова З. П. Съезд малочисленных народов Севера (взгляд этнографа) // Сов. этнография. 1990. № 5. С. 142—146.

© 1991 г., СЭ, № 6

АНТРОПОЛОГИЯ НА XI МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ЭФИОПСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

XI Международная конференция по эфиопским исследованиям работала 1—6 апреля 1991 г. в Аддис-Абебе (Эфиопия). С 1956 г. такие конференции проходят каждые 2—4 года в Аддис-Абебе и крупнейших научных центрах (в 1986 г. — в Москве). Тематика их весьма обширна и обычно охватывает широкий спектр разных направлений гуманитарных наук. Конференция работала на базе Аддис-Абеского университета, точнее его Института эфиопских исследований с привлечением специалистов различных факультетов университета, министерства культуры Эфиопии, Академии эфиопских языков и др. С приветственным посланием к участникам конференции обратился президент университета проф. А б и й К и ф л е.

На десяти секциях конференции обсуждались проблемы права, социологии, антропологии, экономики, истории, литературы, языковедения и т. д. Первой в списке стояла секция «Антропология». («Антропология» употребляется в значении, принятом в странах Запада). Это была одна из самых посещаемых секций, в ее работе участвовали и многочисленные студенты, и преподаватели других отделений университета, нередко доклады ее участников привлекали слушателей и из других секций.

Руководителем секции была д-р Тсехаи Берхане Селассие, сотрудник Института эфиопских исследований и преподаватель Департамента социологии и социального управления, в рамках которого в Аддис-Абеском университете ведется подготовка профессиональных антропологов. Среди докладчиков (заявлен 51 доклад) было много известных эфиопистов: представители Эфиопии (д-р Тсехаи Берхане Селассие, Алула Панхерст), Франции (А. Гаскон, Ж. Бюро, Д. Жерар), США (А. Хобен, В. Бушелл), Японии (д-р Фукуи, избранный затем в Организационный комитет, объединяющий крупных иностранных ученых-эфиопистов), доктор Иво Штрекер из Германии, работающий в настоящее время в Университете Аддис-Абебы, обладатель правительственной награды за заслуги в изучении Эфиопии. Все представленные доклады были основаны на результатах полевых исследований. Поэтому докладов советских ученых на секции не было. Заметно усиление интересов к исследованию Эфиопии со стороны ученых Израиля (хотя многие из заявивших доклады не приехали) и Японии (были представители разных университетов — из Токио, Киото, Осака). Много внимания было уделено разным, особенно небольшим народам страны. Доклады, как правило, посвящались сугубо конкретным темам. Они были очень разнообразны, но можно выделить несколько важнейших направлений исследований.

Во-первых, это изучение исторических традиций народов Эфиопии. Доклад Ж. Бю р р о (Франция) «Литература народа гамо» касался проблемы соотношения устной и письменной традиции, отношения к книге как к священной реликвии у бесписьменного народа. Докладчик показал, как священные тексты, пришедшие в эпоху средневековья в бесписьменное общество извне, входят составной частью в общий пласт устной традиции, соединяясь с традиционными историческими хрониками, передаваемыми изустно. Т с е г а и Г е б р е М е д х и н (Эфиопия) выступил с концепцией африканского происхождения мировой цивилизации — «Миф и наука: Атбара-Африка». Достаточно известный драматург, переводчик Шекспира он подошел к проблеме несколько иначе, чем, например, пионер этой идеи Шейх Анта Диоп из Сенегала, еще в 1956 г. выпустивший монографию «Негрские нации и культура». Если для него главными аргументами были антропологические находки, сходство отдельных черт материальной культуры и особенностей политической организации в Африке и в других регионах мира, то Медхин строил свою концепцию на лингвистических данных и мифологических сюжетах. Прочитанный доклад был интересен, но грешил малой доказательностью. К тому же эта концепция уже неоднократно вызвала справедливую критику ученых разных стран.

Второе направление в работе конференции — изучение идеологических, кастовых, клановых структур, характерных для изолированных традиционных обществ Эфиопии, но сохранивших еще значение в современной жизни. Таков, например, доклад Т с е х а и Б е р х а н е С е л а с с и е «Концепция неравенства у волайта». Полевые исследования, проведенные ею, показали, что за несколько десятилетий, прошедших со времени включения этого народа в 1884 г. в Эфиопию, структура внутриобщинных отношений в значительной мере осталась неизменной. Система неравенства в те

годы отразилась в дихотомии «местные» — «чужаки», причем последние, пришедшие с войсками центральной власти, были администраторами, торговцами, становились собственниками земель, тогда как местные жители оставались земледельцами. Низший слой общества составили рабы (военнопленные и беженцы). Так, по мнению исследователя, сложились социальные группы, составившие административно-политическую иерархию: чиновничество — свободные земледельцы (одновременно «хозяева земли» и первые насельники) — ремесленники-рабы. Эта иерархия поддерживалась ритуализированным бытом, следы которого можно заметить и в наши дни. Однако по существу она преломлялась в иную схему. Возникла сложная переплетенность клановых и кастовых структур, которые оказались как бы пронизанными новыми элементами административных структур, наложившихся на существующие ранее, но не уничтожившие их. В результате возникли две социальные страты: гомогенная земледельческая и гетерогенная, объединившая «чужаков»: чиновничество, ремесленников, рабов. Сложившиеся таким образом страты сохраняли и иногда сохраняют замкнутость через систему браков, бытовые ритуалы, мифологизированное сознание.

Тадессе Вольде (Эфиопия) выступил с докладом «Площадки суда у гами и консо: их социальная и политическая роль». Докладчик убедительно показал, как велико сохраняющееся до наших дней значение традиционной политической системы, основанной на обычном праве. В районах расселения народов консо и гамо по-прежнему существуют такие «площадки суда» со священным деревом (обычно бамбуком), под которым проходит суд и с «мужскими» камнями, на которых восседают старейшины, совершавшие практически полностью сохранившийся ритуал традиционного суда с обращениями к духам, клятвами и т. п.

В докладах эфиопских ученых В орк у Н и да («Культ „вар” у гураге»), М о г е с М о л л а («Роль традиционных действий в погребальном ритуале Хадийя»), Г а з е х е й н П е т р о с («Как: культ одержимости в восточной части Бенчо»), А л у л а П а н х е р с т а («Индианизация ислама в Уолло: „аджам” — амхарские стихи на арабском алфавите») убедительно показано, как тесно вплетаются в христианство (и католичество, и протестантизм, и ортодоксальное эфиопское монофиситство) и в ислам традиционные религиозные представления. Так, В орк у Н и да по результатам полевых наблюдений 1989—1990 г. подробно описал историю распространения, святилища, ритуалы, церемонии, обряды гураге, посвященные божеству Огьят. Он подчеркнул также, что особенно важно существование сегодня в обществе гураге и сохранение роли особой религиозно-политической традиционной структуры — совета Яйюка, оказывающего значительное влияние и на социо-экономическую жизнь народа. Казалось бы, на очень частном примере А л у л а П а н х е р с т а показал, как смешиваются исламские, христианские, традиционные верования.

В докладе Э л ф н е х а У д е с с а «Календарь гуджи» впервые в африканистике систематизируются сведения о концентрации времени и истории, деление времени; значение каждого дня месяца; изменения в календаре, сезонный и астрономический механизм проверки календаря и т. д. Докладчик убедительно показал, что календарь как бы формирует стержень социальной жизни общества гуджи, что народные системы счета времени сохраняют свое значение наряду с эфиопским христианским, исламским и григорианским календарем.

Земельные отношения, оценка политики «виллиджизации», проблема борьбы с засухой составили треть направленные доклады. Д-р А. Х о б е н (США) в докладе «Земельные владения и использование природных ресурсов в Эфиопии» и Тадессе Берриссо «Виллиджизация в Эфиопии: Боре и Урага» показали положение сельского населения страны на конкретных материалах, широко используя социологическое анкетирование. Д-р А. Г а с к о н представил доклад «Чудо энсета: изучение плотно населенного района», основанный на работах по составлению атласа распространения «энсета» — ложного банана. Он считает, что можно выделить особую культуру, основанную на культивации и использовании этого уникального растения — «цивилизацию энсета», как говорят, например, о «цивилизации риса». А. Гаскон видит в тщательном изучении этой культуры не только академический интерес, но и практическое применение результатов исследований. По его мнению, широкая культивация и использование этого растения может обеспечить продовольствием достаточно многочисленное население и предотвратить угрозу голода. М а с а й о ш и Ш и г е т а (Япония) сделал сообщение о наблюдаемых им двух культурных комплексах в земледелии «Культурные комплексы, связанные с народной классификацией культурных растений: ари Юго-западной Эфиопии». По характеру возделывания, употребления, расположению полей и т. п. выделяются комплексы «тика» (основанные на возделывании корнеплодов и ряда плодовых деревьев) и «ишин» (базирующийся на выращивании зерновых и бобовых). В первом случае поля находятся вблизи поселений, на одном участке высаживаются разные культуры (наблюдатель насчитал 78 сочетаний), работают только члены семьи, с ними связано мало ритуалов и табу. Для другого комплекса характерны отдаленные поля, монокультурность, совместный труд особых трудовых ассоциаций по подъему целины, сбору урожая, с ними сопряжены многие табу и ритуалы.

Особое внимание привлекли доклады, посвященные проблемам войны и мира, способам решения конфликтных ситуаций в традиционном обществе. Это оказалось актуальной проблемой во время обостряющейся гражданской войны в стране. Т а д е с с е Б е р и с с о (Эфиопия) в докладе «Традиционные войны у гуджи в Южной Эфиопии» показал, что еще живы те формы военных столкновений, которые характерны для скотоводческих народов, когда угон скота у соседей, так же как и возвращение его с помощью оружия являются обычным делом и даже частью экономики общества. Докладчик подробно рассмотрел мотивы, природу этих действий, описывает конкретные случаи, ритуалы и церемонии, связанные с такими набегами, выделяет их типы. Он объясняет сохранение этих форм взаимоотношений гуджи с соседями их социальной структурой, идеологией, экологическими факторами.

Д-р И в о Ш т р е к е р (Германия) в докладе «Война и мир в Южном Омо» рассматривает историю взаимоотношений как разных кланов омо, так и соседних народов — и земледельцев, и номадо-скотоводов. Докладчик в отличие от известных антропологов Фукуи и Тертона, изучавших военные столкновения между отдельными этносами Восточной Африки, пытается решить вопрос «войны—мира» между отдельными народами новыми средствами. Дело, по его мнению, не в «экспансио-

нистских» или даже «империалистических» устремлениях отдельных верховных вождей или относительно крупных политических объединений, сколько в экономической необходимости — потребности в продуктах, которые в данном обществе не производятся. Когда же какое-то общество переходит к смешанной экономике, конфликты «из круга скотоводов» переходят в «круг земледельцев» и наоборот. История таких конфликтов, исследованных Штрекером, показывает, что на всех этапах превалирует стремление (хотя и не всегда достижимое) их участников к миру. При этом наряду с традиционными факторами мира (такими, как необходимость постоянного надежного обмена продуктами между разными производителями) он отмечает и новые средства «успокоения»: например, работы по осуществлению проектов ирригации Атбары создают новые факторы консенсуса и способствуют установлению продолжительного мира.

Наконец, весьма перспективное направление, к которому все чаще обращаются этнологи всего мира — изучение психосоматических аспектов традиционных культур. Оно было представлено обстоятельным докладом В. С. Зушелла (США) «От антропологии к этнографии через психофизиологию: к пониманию аскетизма эфиопских христиан». Им проанализированы глубокие биологические и психологические воздействия медитации и молитвы. Это, пожалуй, первое исследование, сочетающее принципы этнографического и психофизиологического изучения.

Э. С. Львова

© 1991 г. СЭ, № 6

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Песенная культура бесермян — этнографической группы, проживающей в северных районах Удмуртии, является практически неизученной областью музыкальной фольклористики. Начиная с 1983 г. я собираю и изучаю бесермянскую песню. Главная задача — выяснение современной этномузыкальной ситуации функционирования народно-песенной культуры данной этнической группы.

Запись велась в местах компактного расселения бесермян в Глазовском, Юкаменском, Балеинском и Ярском районах республики. На магнитофонную ленту были записаны песни различных жанров: календарно-земледельческие (9 — весенних, 3 — летних, 2 — трудовых), семейно-обрядовые (42 — свадебных, 39 — похоронно-поминальных, 21 — обряд проводов в армию, 17 — гостевого ритуала), песни необрядового функционирования (около 200, среди них лирические, игровые, плясовые, частушки и др.), а также 9 детских песен.

Наибольшее количество записей сделано в с. Ежево (98) и д. Шамардан (43) Юкаменского р-на, в селах Юнда (38) и Гордино (27) Балеинского р-на. Песни записывались в основном от отдельных певцов. Практика показала, что фольклорным репертуаром свободно владеют исполнители в возрасте от 60 лет и старше. Именно от певцов этой группы были сделаны основные записи. Вторая возрастная группа — исполнители 45—60 лет. Представители этой группы, как правило, избегают сольного исполнения, но охотно участвуют в малых ансамблях — дуэтах и трио. По сути, певцы этой группы овладевают репертуаром и особенностями фольклорного интонирования.

Часть записей сделана от хоровых коллективов с. Юнда Балеинского р-на, д. Шамардан Юкаменского р-на и с. Ворца Ярского р-на. Исполнители 16—45 лет участвуют в основном в массовом исполнении песен, считая, что до

малых ансамблевых форм, а тем более до сольного пения «нужно дожить», поскольку «не научились еще петь как нужно». Исполнители этой группы только овладевают фольклорной традицией пения. Остается надеяться, что преемственность не утратится и бесермянская песенная традиция будет развиваться.

Помимо песен записывались материалы, отражающие культурный фон функционирования данной песенной традиции. В контексте нашего исследования важное значение имеют высказывания информаторов о песне, манере пения, народной культуре, народном быте (115). Также записаны поговорки (37), пословицы (17), загадки (21), местные предания (14), сказки (8), детские присказульки (11) и другие материалы этнографического характера.

Первостепенная задача — реконструкция по рассказам информаторов старшего поколения (от 65 лет и старше) бытующих фрагментарно в настоящее время бесермянских обрядов. В процессе работы была создана сценарная запись основных обрядов: «Провождение льда» («Йо келян»), «Свадьба» («Сюан»), («Проводы солдата») («Солдат келян»), похоронно-поминальный обряд и гостевой ритуал.

Анализ песен сквозь призму системы обряда позволил конкретизировать ситуацию их функционирования. Как показало исследование, названные обряды сохранили основные драматургические эпизоды некогда развитых обрядовых действ. Именно в этих ключевых разделах представлены напевы, отражающие этнический звукоидеал, национальные черты интонирования, несущие в себе многовековой музыкальный опыт бесермян.

Все фольклорные материалы находятся в моем личном собрании, в будущем планируется их частичная передача в фонд организованного в 1990 г. общества возрождения бесермянского народа.

А. Шаховской